

Сюэ Сянь украдкой выглянул из-под рукава и, устремив взгляд на зрачки Няньци, произнёс:

— Неудивительно. Я-то удивлялся, почему после того, как ты утонул, в глазах свет пропал.

Он задумался на мгновение, а затем обратился к Няньци:

— Лу Шицзю обменялся с тобой жизнями, вероятно, передав тебе и свои способности к спиритическому письму. Изменения в твоём теле, скорее всего, связаны с этим, но пока они не завершились полностью, поэтому тебе придётся потерпеть.

Лу Няньци на мгновение застыл, прежде чем растерянно спросить:

— Ты имеешь в виду... что мои глаза станут такими же, как у Шицзю?

— Не станут, а, вероятно, уже стали наполовину, — ответил Сюэ Сянь. — То, что ты видишь теперь, возможно, уже не сами предметы, а их энергетические очертания. Всё, что ты видишь, вероятно, теперь совпадает с тем, что видел Шицзю.

— Тогда почему я не вижу Шицзю?.. — Дыхание Няньци участилось, ноздри раздулись, словно он внезапно потерял способность дышать. Он нахмурился, и его глаза мгновенно покраснели. — Почему?

Сюань Минь поднял руку и большим пальцем надавил на точку на лбу Няньци, где располагалась его жизненная энергия. — У тебя здесь появилась красная родинка, такая же, как у твоего брата. Это знак завершения обмена жизнями. Если бы его душа задержалась в этом мире, эта родинка не появилась бы.

Обмен жизнями был запретной техникой, и даже если он завершался успешно, выживший часто становился странным. Это происходило из-за наследования черт того, кто пожертвовал своей жизнью — будь то внешнее сходство или размытие характера и способностей. Чем дольше душа жертвы оставалась в мире, тем сильнее было влияние на выжившего.

Иными словами, чтобы не оказать слишком сильного влияния на Лу Няньци, Лу Шицзю не задержался ни на мгновение. Его последние слова, оставленные в склепе, были настоящим прощанием.

И это прощание, вероятно, стало последним.

— Не плачь, — Цзян Шинин, не найдя платка, пальцем собрал слёзы, бесшумно катившиеся из глаз Няньци. — Возможно...

Не успел он закончить, как Лу Няньци, бледный как полотно, потерял сознание.

Возможно, физическая боль была слишком сильной, а может, горечь утраты ударила слишком сильно, но он пролежал без сознания долгое время.

Даже несмотря на холодность Сюань Миня и взбалмошность Сюэ Сяня, они не могли бросить двух полумёртвых подростков и уйти. Поэтому они временно остались в крошечном дворике, где Лу Няньци и Лу Шицзю жили вместе.

Дворик был скромным, состоял лишь из кухни и пыльной гостиной, где едва помещался стол, и двух боковых комнат, в каждой из которых стояли кровать и шкаф, по одной на каждого брата.

Хотя они и остались, по-настоящему «остался» только без сознания Лу Няньци. Сюань Минь и

Сюэ Сянь разместили его в одной из комнат, а затем отправились в похоронную лавку, чтобы заказать гроб для Лу Шицзю, который временно поставили в другую комнату.

Когда Сюань Минь сел в гостиной, чтобы обдумать каменный замок и железную пластину, Сюэ Сянь выглянул из рукава:

— Не спеши сидеть, найди магазин одежды или тканей.

Сюань Минь опустил взгляд, ожидая объяснений.

Сюэ Сянь почесал когтем свою голову, стараясь говорить как можно более серьёзно:

— Я без одежды.

Сюань Минь: «...»

Он, казалось, был озадачен, мельком взглянув на маленького дракона, и сухо ответил:

— В какой книге написано, что можно обвиваться вокруг чужой руки голым?

Сюэ Сянь тут же укусил его.

Его зубы были острыми, и на руке Сюань Миня сразу появился след.

Сюань Минь спокойно закатал рукав, обнажив тонкие длинные пальцы, и согнул указательный и средний пальцы, показывая их Сюэ Сяню.

На пальцах было не менее шести следов от укусов, оставленных этим проказником.

Сюэ Сянь отвернулся, делая вид, что ничего не слышит:

— Не хвастайся своими руками, они не лучше куриных лап, да ещё и неудобные, бесполезные и неприятные на ощупь. Пожалуйста, подвигай ногами и найди мне одежду.

Цзян Шинин, войдя в комнату, услышал эту выходку и, не выдержав, ушёл в тёмный угол кухни.

Сюань Минь покачал головой и вышел из дома.

Эта прогулка, изначально задуманная как поход за одеждой для Сюэ Сяня, неожиданно принесла некоторые результаты.

Улица Опадающей Сливы была самой оживлённой улицей в уезде Волун. По обеим сторонам улицы росли красные сливовые деревья, и зимой, особенно в снегопад, красные лепестки, падая на белый снег, усеивали всю улицу, создавая живописный вид, за что улица и получила своё название.

Здесь были гостиницы, ломбарды, закусовые и рестораны, а также множество других магазинов. Среди них было несколько тканевых лавок, затерянных среди магазинов косметики и украшений.

Сюэ Сянь был капризным. Обвиваясь вокруг запястья Сюань Миня, он не хотел, чтобы его видели прохожие, но и не желал, чтобы рукав полностью закрывал его лицо, настаивая, чтобы Сюань Минь поправил рукав, чтобы он мог выглядывать глазами. Вскоре он сам снова запутал

рукав, заставляя Сюань Миня снова его поправлять.

Что за привычка постоянно поправлять рукав на ходу?

Сначала Сюань Минь ещё реагировал, но потом, когда Сюэ Сянь стал ещё беспокойнее, он лишь мельком взглянул на него, встряхнул рукавом и полностью закрыл его, не выпуская, как бы тот ни буйствовал.

Сюэ Сянь с невозмутимым видом лежал в темноте, молча оставляя следы укусов на каждом пальце Сюань Миня, от большого до мизинца, и в конце концов просто зажал его палец в зубах.

Сюань Минь пошевелил мизинцем, но, увидев, что это не помогает, просто оставил всё как есть, словно его и не кусали.

На самом деле, Сюэ Сянь не был по-настоящему зол. Он действительно был вспыльчивым и привык действовать прямо, не задумываясь. Но это не означало, что он взрывался из-за каждой мелочи.

Он так себя вёл просто чтобы досадить Сюань Миню.

Сначала он был недоволен тем, что Сюань Минь его поймал, что ударило по его гордости. Но постепенно это стало привычкой, и он не мог удержаться, чтобы не подразнить Сюань Миня, даже если первоначальное недовольство давно исчезло.

Возможно, это было из-за того, что Сюань Минь был слишком спокоен и равнодушен, не похож на всех, кого Сюэ Сянь встречал раньше, и ему хотелось вывести его из этого состояния, чтобы увидеть, как он поведёт себя в других обстоятельствах.

Может быть, это было просто от скуки, чтобы найти какое-то развлечение в этом монахе... думал Сюэ Сянь.

Даже такие редкие моменты самоанализа были для него необычными. Обычно он либо был сыт, либо голоден.

Сюэ Сянь решил, что он голоден, и, лениво опустив голову, наблюдая, как его хвост покачивается в такт шагам Сюань Миня, сказал:

— Монах, ты мне ещё должен обед.

Сюань Минь, не привыкший разговаривать с самим собой на улице, не ответил.

Но этот проказник, отпустив его мизинец, начал карабкаться вверх по его руке, явно намереваясь добраться до его шеи, приговаривая:

— Не слышишь? Тогда я скажу прямо в ухо.

Сюань Минь: «...»

Когти Сюэ Сяня, как и его чешуя, стали мягче, и они не причиняли боли, когда он цеплялся за руку Сюань Миня, но вызывали лёгкий зуд. Когда он не двигался, это было терпимо, но когда начинал шевелиться... в общем, это было раздражающе.

Сюань Минь тут же нахмурился, схватил непослушный хвост и снова потянул его вниз.

Сюэ Сянь прищурился, цепляясь когтями за кожу руки Сюань Миня, и, будучи оттянутым, оставил на ней царапину.

Сюань Минь: «...»

Он нахмурился ещё сильнее и, не обращая внимания на окружающих, сухо ответил:

— Когда я тебе должен?

Как раз в этот момент мимо прошёл прохожий, странно посмотрев на него, вероятно, подумав, что этот разговаривающий сам с собой монах немного не в себе. Однако, взглянув на холодный взгляд Сюань Миня, он поспешно опустил глаза и ушёл.

<http://bllate.org/book/16289/1467983>